

2

1964

**ИТЕРАТУРНЫЙ
ЗЕРБАИДЖАН**

КОРОТКИЕ

РАССКАЗЫ

МИР ДЖАЛАЛ

Я и сам сват

Не знаю, приходилось ли вам бывать в Шамлыдже. Это — один из прелестнейших уголков Гянджинских гор. С приходом весны и до самых осенних заморозков съезжаются сюда дачники. Едут не только из Гянджи, но и из самых дальних мест. По всем улицам села, колесо к колесу, выстраиваются машины. Дом отдыха, детские сады, пионерский лагерь — все бурлит.

Селение это состоит из двух частей: Верховья реки и Нижней улицы. В сущности, в Верховье реки и съезжаются все гости: это — самая богатая, благоустроенная часть села. Прохладные родники, военный лагерь, лесное управление, дом отдыха — все здесь, на живописном склоне горы. И только спустившись в равнину, видишь Нижнюю улицу: плоские кровли, заборы из колючек, стога сена.

Я не был здесь ни дачником ни гостем: находился на постоянной государственной службе, преподавал в школе-десятилетке. Всего два года, как и семью свою я перевез в горы. Жил я во дворе школы в квартире с двумя окнами...

Жизнь моя в селении протекала спокойно и ровно. Но вот однажды, вернувшись домой, я застал у себя одну из своих учениц, восьмиклассницу Салтанат. Надо сказать, смышленная была девочка: прекрасно училась, рисовала так, что все в школе восхищались ее работами, и прилежностью своей и ласковым нравом снискала всеобщую любовь в селе. При виде Салтанат я сердцем почувствовал, что визит этот неспроста нанесен: застенчивая, сдержанная девушка без причины чужой порог не переступит!

Я вспомнил, что уж сколько времени по селу идут разговоры, будто Салтанат сватают. В доме Салтанат царило необычное оживление, и раза два-три она даже пропустила занятия.

Известно, что обручение в жизни молодых — большое и важное событие. Как пишут поэты, подобно розе под весенним солнцем, ра-

скрывается сердечко девушки в ожидании любви. Однако, я не заметил на лице Салтанат никаких признаков радости: наоборот, все говорило о том, что в мой дом ее привели горе и отчаяние. Бедная девочка пришла ко мне за помощью и защитой: отец решил разлучить ее со школой, а она хочет учиться, и лучше умрет, чем бросит школу!

Выяснив все обстоятельства дела, я взял с собой еще одного учителя и пошел к Калантару — отцу девушки. При виде нас и мать, и отец Салтанат заволновались. Перебивая друг друга, они начали говорить о предстоящем обручении.

— Калантар, — сказал я. — Поздравляю, радостное событие в жизни твоей дочери я воспринимаю так, словно речь идет о моей дочери. Но и мы сватами пришли к твоему порогу!

Калантар с недоумением взглянул на меня:

— То есть, как это?

— Да, именно сватами мы пожаловали к тебе.

Наверное, Калантару подумалось, что мы и вправду хотим посватать его дочь за другого. Но, видя, что мы не называем имени жениха, он совсем растерялся. Тщательно изучая лицо моего напарника, всем своим видом он словно спрашивал: «может, этот вот хочет стать моим зятем?»

Я, понимая нетерпение отца, пояснил свои слова:

— Понимаешь ли, Калантар, Салтанат — не только твоя, но и моя дочь. Если ты ее отец, то я — ее духовный наставник, и заботиться о ее счастье — мой долг и моя обязанность.

Калантар понял, что слово «сваты» мы употребили в переносном смысле, и хмурое лицо его прояснилось:

— Ну, конечно, товарищ учитель, мы все — в неоплатном долгу перед вами!

— Так вот, я должен тебе сказать: твоя Салтанат — очень способная девушка. Она уже сейчас — почти готовый художник. — С этими словами я вытащил из кармана один из рисунков Салтанат и показал ему. — Видишь, как она изобразила наше село? До сих пор никто его так не рисовал! И я постараюсь, чтобы ее рисунок был напечатан в центральном журнале.

— Большое спасибо вам, что так радеете о своих учениках. — Калантару было явно приятно слушать похвалы в адрес своей дочери.

— Значит, у нас есть право быть сватами?

Калантар замолчал, не зная, что ответить: он понимал, к чему я клоню, но всячески хотел делать вид, что не понимает этого.

— Надо дать ей кончить школу, Калантар. Надо дать ей возможность учиться дальше. А уж затем — в добрый час! — и свадьбу сыграет, и семью построит.

— Я уже дал жениху согласие, учитель.

— А согласна ли сама Салтанат бросить школу? Если не согласна, тогда как?

По-видимому, этот вопрос показался Калантару трудным. Он почесал за ухом и махнул рукой:

— Эх, учитель, если предоставить девушку ее воле, или за халвачи¹ выйдет замуж, или за зурначи²!

После такого ответа я на миг притих. Напарник же мой покачал головой.

— Не ожидал я эти ветхозаветные слова из твоих уст услышать, товарищ Калантар!

¹ Халвачи — продавец халвы.

² Зурначи — играющий на зурне.

— Не ветхозаветные, а отцами и дедами нашими завещанные.

— Не все, завещанное отцами и дедами, хорошо. Мы же советские люди, пойми!

— Эх, бросьте товарищ учитель! Громкие слова я и сам горазд говорить! А Салтанат молода еще, чтоб с отцом спорить. Пусть делает, как ей старшие велят!

— Ты забываешь, что не ты один решаешь ее судьбу. Мы за Салтанат тоже в ответе. И связать ее по рукам и ногам, бросить в угол кухни мы тебе не дадим! Девочке учиться надо, талант свой развивать!

— Дочь — моя, я лучше знаю, что ей надо. Не препятствуйте доброму делу!

— Это ты, ты сам препятствуешь доброму делу! Замуж твоя дочь всегда успеет выйти, а вот чтобы настоящим художником стать — для этого ей только и учиться сейчас, в молодые годы!

— Мне художник не нужен.

— Не тебе — Салтанат это нужно!

— Людям нужно! — вмешался мой товарищ.

Но Калантар словно обе ноги в один башмак сунул.

— С Салтанат я сам поговорю, другие пусть не вмешиваются.

Терпение мое истощилось. Я встал:

— Я не «другие», а ее учитель! И мне, и школе, и государству нужно, чтоб она приобрела специальность!

— А я — ее отец, и мне это не нужно.

«Плохой ты отец!» — хотел было я сказать, но сдержался.

— Салтанат вправе сама решить свою судьбу. Слово за ней.

— Прошу, не сбивайте ее с пути! Что с того, что вы учитель?

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Видя, что всякие уговоры бесполезны, мы, не прощаясь, направились к выходу.

— Не задерживайте Салтанат, учитель, — скажите, чтоб шла домой! — крикнул мне вслед Калантар.

— Захочет — придет, не захочет — не придет. Дело ее! А обижать ее я вам не дам! — твердо ответил я.

Уход Салтанат из дому был резким протестом родителям. Пока Калантар не откажется от сватовства, девушка в отцовский дом не вернется, это ясно. Но кто его знает, что может предпринять Калантар, что он, по-своему упрямству, выкинет?

На другой день меня вызвали в райисполком. С тяжелым предчувствием я пошел туда, и войдя в кабинет, увидел там Калантара. «Так и есть, жаловаться пришел! — подумал я. — Ну, теперь держись!» Заведующий роно тоже сидел здесь.

Председатель рика, дядя Салман, — уже в годах, опытный, умудренный жизнью человек, — повернувшись к зав роно, спросил:

— Учитель Ильяс, куда ты хотел направить наших учеников? Скажи еще раз, чтоб слышали товарищи.

Ильяс, поднявшись, пояснил:

— Из города в художественное училище требуют двоих, самых одаренных учеников. В роно все сошлись на том, что самая подходящая кандидатура — это Салтанат, дочь Калантара. Однако я слышал, что ее отец против.

Дядя Салман прервал Ильяса:

— Почему Калантар должен быть против? Специальная школа, все расходы несет государство, для детей там созданы все условия. И девушке охота — спит и видит себя художницей.

Опередив Калантара, я заговорил:

— По-видимому, есть люди, которые находят более необходимым выдать Салтанат замуж.

Дядя Салман, глядя на Калантара, ждал, что тот скажет на это.

— В семье не согласны, чтоб она училась в другом городе.

— Кто не согласен, конкретно?

Калантар молчал. Не дождавшись ответа, дядя Салман продолжал:

— С замужеством еще успеется. Придет пора, — и замуж пойдет.

Но свадьба не должна помешать ей получить образование.

Заведующий роно развел руками:

— В том-то и дело, что мешает! Так желает родитель!

— Не знаю, о чем думают в вашей семье, по-моему, камнями загораживать путь к успеху такой талантливой девушке, как Салтанат — просто преступление! Такие дела ни нам не подходят, ни времени...

Дядя Салман, обернувшись ко мне, спросил:

— А ты, преподаватель, какого мнения на этот счет?

— Мое мнение вы уже выразили!

Калантар, точно ошпаренный, вскочил:

— Какое вы имеете право девушку от семьи отрывать? А, может, она не хочет ехать?

— Девушка убежала из дому, чтоб учиться!

Дядя Салман осуждающе посмотрел на Калантара.

— У некоторых родителей, к сожалению, все еще остались феодальные замашки. Этому надо положить конец. И Калантар должен согласиться, чтобы Салтанат поехала в училище. Талантливая девушка! Из тысячи, может, одна такой окажется. — Сказав это, он не дожидаясь ответа Калантара, дал указание заведующему роно. — Составьте хорошую характеристику, оформите документы и пошлите в училище. В блестящем будущем этой девушки я уверен!

Пожав руки сначала мне, потом Калантару, дядя Салман сказал:

— Поздравляю тебя, учитель, ты воспитал достойную ученицу. А ты, Калантар, можешь гордиться, что вырастил такую дочь!

Я ожидал, что Калантар будет протестовать, может быть, даже начнет скандалить. Но Калантар почему-то ничего не сказал — вернее, ничего не мог сказать. Досадуя, молча вышел из кабинета...

* * *

Через год после отъезда Салтанат в город в журнале «Огонек» была напечатана статья «Чудесные руки». В ней хвалили ковер, сотканный на ковроткацкой фабрике по рисунку Салтанат, отмечались достижения творческой молодежи нашей республики.

Оказавшись в городе, я зашел в художественное училище. Директор, приняв меня за отца Салтанат, крепко пожал мне руку:

— Вот хорошо, что вы приехали! Салтанат, хоть и не признается в том, очень скучает по дому. Обидно ей было, что вы, отец, ни разу не навестили ее с тех пор, как она уехала из родного села.

— К сожалению, я — не отец Салтанат... Я — ее учитель... — И я рассказал вкратце директору про все, что пришлось претерпеть Салтанат, чтобы отстаивать свое право на учебу, про упрямство ее отца. Директор вздохнул.

— Муэллим, — сказал он, — шариат — самый старый и самый сильный враг искусства. Вы помогли Салтанат вырваться из-под его власти, помогите ей вступить в мир творчества, в мир богатой духов-

ной жизни. И сама Салтанат, и мы, руководители училища, признательны вам за это доброе дело. Ну, а что касается таких отцов, то, рано или поздно, они поймут свое заблуждение.

— Я тоже так думаю... Надеюсь на это.

— Несомненно, поймут!

Синяя бусинка

Вахиду купили новый костюм, и он, сияющий, побежал похвастаться им перед ребятами:

— Посмотрите, прямо на меня сшит! А какие красивые пуговицы! И запасная есть...

— Подумаешь, — отозвался Захид, — чем удивил! Запасная пуговица и на моей рубашке тоже есть. Мама мне ее сама пришила! — И в подтверждение своих слов он отвернул ворот рубашки.

Взглянув, Вахид увидел пришитую к вороту рубашки синюю, в крапинках, бусинку.

— Э-э, нет, это не пуговица!

— А что же это по-твоему?

— Бусинка!

— Зачем ей здесь быть? Не разыгрывай меня!

— Честное слово, это бусинка!

Захид и сам, внимательно посмотрев, убедился, что Вахид прав. Однако, если это не пуговица, а бусинка, почему же мать пришила ее к рубашке?... Может, она просто спутала пуговицу с бусинкой? А, может, пришила ее нарочно? Но зачем, зачем она это сделала?!

Не в силах разрешить этот вопрос самостоятельно, Захид еще раз взглянул на бусинку и помчался к учительнице.

— Бильгеис-муэллима, что это такое — пуговица или бусинка?

Учительница, издали разглядев пятнистую бусинку, спросила:

— Откуда она у тебя?

— Мама пришила.

Бильгеис-муэллима долго стояла, глядя то на Захиду, то на бусинку.

— Тебя что, мама послала ко мне или ты сам пришел?

— Муэллима, мы с Вахидом поспорили, пуговица это или бусинка, и я побежал к вам, чтобы спросить — если это бусинка, зачем мама ее мне пришила?

Учительница была явно в затруднении и, подумав, сказала:

— Ступай пока, а я у твоей мамы узнаю, почему она это сделала.

На следующее утро Месьма, мать Захиды, уверяла Бильгеис-муэллиму:

— Ни в какой сглаз я не верю, и бусинку эту не пришивала. Рубашку я взяла в универмаге и даже не посмотрела, есть там что у ворота или нет.

— Эй, тетушка Месьма, откуда в универмаге бусинка против сглаза? Кому нужно было пришивать ее к рубашке твоего сына?

— Выходит, это я пришила ее? Зачем вы так говорите, Бильгеис-муэллима, ведь я — советская работница, какой такой сглаз, и знать не знаю! В жизни я суеверной не была!

— Будто бы?

— Клянусь Атагой!¹ Далека я от суеверия, право слово, далека! Услышав эту клятву, Бильгеис-муэллима от всей души расхохоталась:

— Верю, верю, Месьма, не клянись!

Мой переводчик

Странное дело: сейчас названия меняют, как перчатки. Не знаю, зачем и почему! Когда мы были молодыми, мы запоминали однажды название какой-нибудь вещи — и дело с концом. Теперь не успеваешь опомниться — глядь, уже опять изменилось название улицы, парка, учреждения...

Сначала я этому удивлялся, а потом привык. Мало того, — после недавней поездки за границу я вообще уже никаким превращениям, происходящим со словами, не удивляюсь. Почему — расскажу.

Я был приглашен в одну из стран в гости. А приглашало меня управление по просвещению: у них там праздновали открытие новой школы, и меня пригласили, чтобы я как представитель соседней страны присутствовал на этом открытии, и вообще — ознакомился бы со школами, системой преподавания, и высказал бы свое мнение. Так сказать, поделился бы опытом и, в свою очередь, почерпнул бы что-нибудь полезное у них.

По известному правилу, к приглашенному в чужую страну прикрепляется переводчик. Я, правда, знал немного язык страны, в которую поехал, и вполне мог бы объясняться без помощи посредника. Но раз надо, так надо: в любом случае, подумал я, переводчик лучше объяснит все тонкости. И потому, пока я путешествовал, переводчик словно тень, следовал за мною всюду.

Перед самым моим отъездом, когда я достаточно со всем ознакомился, устроили торжественное собрание, и, воздав все полагающиеся в таком случае почести отъезжающему, попросили высказать свое искреннее впечатление от увиденного.

Обращаясь к переводчику, я сказал, что школа, в общем, мне понравилась, однако меня удивляет то обстоятельство, что в классных комнатах висят чьи угодно портреты, а вот портрета хотя бы одного ученого из тех, с кем непременно надлежало бы ознакомить детей — нет. Видимо, и бесед о них самих тоже не ведется.

Далее я сказал о школьном садике: он неплох, но почему бы не посадить в нем, помимо кустов, фруктовые деревья, раз местные климатические условия вполне это позволяют?

Особо критические замечания высказал я по поводу оборудования школьных кабинетов: оно безнадежно устарело, сказал я, и ни к чему держать столько бездействующих, вышедших из строя, видно еще полвека назад, агрегатов, не интересных и не нужных ныне ни одному школьнику и вообще — никому...

Все это я говорил отдельно, чуть ли не по слогам, чтобы переводчик как следует запомнил мои слова и как можно точнее передал их присутствующим. Однако переводчик не слушал меня — вытащив

¹ Атага — калека, которого суеверные люди почитали как святого.

из кармана блокнот с заранее написанными тезисами, он, едва дождавшись окончания моей речи, бойко заговорил, заглядывая в блокнот:

— Господин, имя рек, очень доволен осмотром. Он говорит: «Я весьма счастлив ознакомиться с такой прекрасной школой». Господину очень понравилось, что вы развешиваете в классных комнатах портреты министров и генералов. Господин просит, чтобы вы передали его искреннее восхищение управлению просвещения тем, что оно уделяет столько внимания проблемам народного образования и воспитания молодого поколения. Господин, имя рек, говорит: «Я уверен, что подобный обмен мнениями послужит основанием для еще большего развития и укрепления дружеских связей между нашими странами». В заключение своего выступления господин указал: «Да живет и здравствует наша дружба, да будет она крепка и нерушима!!!»

Едва переводчик кончил, директор школы подошел, с чувством пожал мне руку и выразил свою признательность.

Когда же я, желая внести некоторые поправки в пышную импровизацию переводчика, обратился было к нему, он отрицательно покачал головой и отказался добавлять что-либо к сказанному. Я удивился:

— Но ведь перевод был неточен! Я же совсем не то говорил!

— Ничего, ничего... Я сказал так, как надо.

— Но ведь, дорогой, вы это от себя сказали.

— От себя ли, от другого — сказал то, что надо!

— Это, знаете ли, не перевод, это самый что ни на есть оригинал получился!

— Настоящий перевод и должен быть оригиналом!

— Ну, после этого я умолкаю... У меня больше нет слов.

— Конечно! Какие еще там у вас могут быть слова!

Правильный человек

Каждый день, когда вы едете на работу, вы видите на остановке у бульвара торопящегося человека, который, едва поднявшись в троллейбус, вынимает синенькую бумажку и показывает всем:

— Вот! У меня постоянный!

Он — этот самый Правильный человек. Его многие знают, и никто в троллейбусе не обращает на него никакого внимания. Но он, тем не менее многократно повторяет, потрясая синенькой бумажкой:

— Постоянный! Постоянный!

На голове у Правильного человека желтая шляпа, на ногах — чешские туфли. Показывая свой билет, он не забывает поворачиваться туда-сюда, словно перед зеркалом, демонстрируя заодно и свой прекрасно сшитый костюм.

Я уже сказал, что вы его знаете. Но, чтобы судить о человеке, мало видеть его каждый день в троллейбусе. Желтая шляпа и чешские туфли еще тоже ничего не говорят. Не зря же сказал поэт:

На вид-то он приятен, посмотрим, что внутри:
резвятся бесы там, невидные другому!

Это о нечестных сказано, и Правильного человека потому как будто не должно касаться. И все же, если вы хотите лучше узнать Правильного человека, сойдите вслед за ним с троллейбуса и не полнитесь дойти до места его работы. Тем более, что место его работы стоит того, чтобы туда пойти. Вернее — все мы так или иначе вынуждены бываем заходить туда: Правильный человек работает продавцом в большом продовольственном магазине. В фартуке, с засученными рукавами, с ножом или разливательной ложкой в руке, он прямо горит на работе, с наслаждением снуя туда-сюда.

Дел у него много. У мешков с сахаром он с известной целью держит ведро холодной воды, на дно бумажных кулчков кладет аккуратно нарезанные куски картона, из одного бидона молока делает два и т. д.

Несомненно, делает все это он не на глазах публики. Благоразумный он человек, трудяга, и, сосредоточенно опустив голову, он с упором занимается своим делом преимущественно за кулисами. Если же какой-нибудь товарищ из управления, заметив его излишнее усердие, отечески выговаривает ему, он за словом в карман не полезет:

— Э, дорогой, что здесь такого, из-за чего тебе стоило бы шум поднимать? Я человек честный, на государственную копейку не посягаю. Если кто и несет урон — так это покупатели, а они — лица частные. Ты следи за тем, кто у государства крадет, а для покупателя пять грамм больше, пять грамм меньше — значения не имеет!

Но покупатель бдителен, и, умудренный житейским опытом, зорко следит за действиями Правильного человека.

— Послушайте, зачем вы ставите здесь, прямо под ноги, ведро, — опрокинете ненароком, подмочите весь сахар! Уберите его подальше!

— Как, то-есть, убрать: вода мне то и дело нужна! Руки мою, полотенце смачиваю — жарко ведь!

— Ну хорошо, а для чего вы эти квадратики картона кладете в кульки?

— Наш долг — культурно обслуживать покупателя. Когда на донышке бумажного кулька картон — он втрое крепче, кинь с горы — не разорвется! Люди за сахар, рис деньги платят, надо же им все это как следует упаковать! Многие даже благодарят за такое внимание.

До тонкости знающего свое дело и умеющего эти тонкости популярно разъяснить, Правильного человека часто спрашивают:

— Скажите, что дороже: сахар или бумага?

— Что за вопрос! Разумеется, сахар!

— А ведь вы этот бумажный кулек как сахар продаете.

— Да разве я силой навязываю?! Сами покупатели просят, умоляют: дай! И берут!

— Конечно, возьмут...

— Ну, а раз покупатель берет, мы обязаны дать ему то, что он просит.

Как-то раз я не выдержал и попытался призвать Правильного человека к порядку, но он возвысил голос:

— Наш первый долг — как следует обслужить покупателя! У нас не просто торговля — культурная торговля! Наши советские покупатели — не коробейники, чтобы экономить на двухкопеечном картоне! Они из-за мелочи переживать не станут, у них душа — широкая, сердце — с гору величиной! Понятно?!

Материнский совет

- Мать, сколько раз на дню ты кипятишь чай?
- Да разве есть тому счет, сынок? Сам знаешь, с утра до поздней ночи наполняется-опорожняется чайник! И в добрый час!
- Ну, хоть примерно скажи: за день раза три-четыре пьется в этом доме чай, или нет?
- Конечно!
- И стаканы выдерживают?
- А что ж им не выдерживать? Чудные ты вещи спрашиваешь, сынок!
- Пусть так... Ну, а выпивка каждый день у нас бывает?
- Почему каждый день, — раз в неделю!
- Хорошо, раз в неделю. Тогда почему же стаканы у тебя все целы, а вот рюмки в нашем доме не держатся? Не бывает недели, чтобы я не тратился на рюмки. Почему они так быстро бьются? Стекло, что ли, плохое?
- Не в стекле, дело, сынок.
- А в чем же?
- Будто бы ты сам не знаешь — в чем.
- Знал бы, не стал бы спрашивать. Может, ты их моешь неосторожно, они трескаются?
- В моих руках посуда не треснет, сынок!
- Тогда почему же они так часто разбиваются?
- Как же не разбиться им, посуды сам: ведь ты не вино, — ложь в рюмки наливаешь!
- Что?
- Ложь!
- Что ты, мать, говоришь? Где это видано, чтобы от лжи рюмки разбивались? Никогда такого не слышал!
- Не слышал, так я тебе это говорю. Стекло тут ни при чем, — ложь во всем виновата!
- Да о какой лжи ты толкуешь, мать?
- О той, которую и сталь, не то что стекло, не выдержит! Во здравие Керима Гельдиева рюмки поднимаете, — это ли не ложь? Проходимца, как пророка, чествуете, — да какая рюмка это выдержит? Разве больше некого похвалить, что вы Гельдиева до неба возносите?..
- Эх, мать, что же мне делать — через него дела мои устраиваются!
- Дела твои устраиваются, а причем стекло? Стекло — вещь тонкая. Ты не гляди на людей, они привычные, что ни скажешь — все стерпят. А стекло деликатного обхождения требует! Оно лжи не переносит!
- Что же мне делать, мать?
- Что хочешь! Раз без лжи обойтись не можешь, зачем стеклянные рюмки покупаешь? Закажи мастеру деревянные!
- Боюсь, что и дерево не выдержит.
- Ну, закажи железные! Ваши восхваления только железо и выдержит. Ей-богу, правду говорю, сынок!

Перевод Т. АЛИЕВОЙ